

САМОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЁНА БОГОМОЛОВА

18+

Алёна Богомолова

Самое безопасное место на Земле

<https://litres.ru/74419534>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джен — социально безупречная «хорошая девочка». Всю жизнь она искала одно чувство — безопасность. Момент, когда не нужно соответствовать, не нужно быть хорошей. Ощущение, которое, как ей кажется, испытывает девочка, у которой есть настоящий отец. Безопасность пришла к ней в тысячах километров от дома — в Гоа, в кафе без стен на берегу океана. В руках мужчины, который расправлял над ней синий балдахин от комаров и каждый час фотографировал её спящую, чтобы утром доказать: «Я не уходил. Я был рядом». Глубоко личная исповедь о встрече с собой, о том, что прячется за фасадом «правильной» жизни, и о мужчине, который не спасал — а просто был. 18+ Книга содержит сцены употребления веществ, упоминания психологических травм, автобиографические элементы и откровенные сцены.

Содержание

Глава 1. Джен (Jan)	4
Глава 2. Кафе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алёна Богомолова

Самое безопасное место на Земле

Глава 1. Джен (Jan)

Вопрос безопасности в жизни Джен встаёт редко. Только в те моменты, когда она чувствует, ловит себя на мысли, что вот сейчас, именно сейчас, в данный момент времени, ей безопасно. Ничего не угрожает, спокойно, рядом защитник, не нужно ни с кем согласовывать свои действия и поступки, не нужно быть хорошей (вернее такой, какой тебя хотят видеть; такой, как надо кому-то), то есть не нужно соответствовать чьим-то ожиданиям, и точно не будет рядом с тобой совершено какого – либо действия или порыва, которое напугает, загонит глубоко внутрь себя, заставит защищаться, то есть придумывать и соответствовать кому-то или обстоятельствам. Вот то, что входит в ее понятие «безопасность». Во время этой самой безопасности приходит мысль о том, что вот так, видимо, чувствует себя девочка, когда у нее есть настоящий отец. Такой, который присутствует в жизни и воспитании, выполняет свою защитную функцию, не тиран и не алкоголик, не самоутверждается за счет дочери и жены,

занимается трудным, но любимым делом, ценит свою семью. Такой Отец с большой буквы. И как ни странно это сейчас осознавать, ощущение безопасности приходило в жизни (в абсолютно осознанном возрасте, то есть после полного полового созревания, после 19 лет) всего дважды. Может, это и не безопасность вовсе? Может это чувство называется каким-либо другим словом. Но сейчас для нее это именно безопасность. А что это для других, мне не интересно. Так же, как слово «любовь». Джен уверена, что любви между мужчиной и женщиной не существует, там что-то другое. Просто люди привыкли называть это словом «любовь»; из лени, из нежелания понять сущность отношений между полами, которые мы называем любовь. Она много раз заявляла, что любовь может быть к детям, к родине, к домашним питомцам, а любовь к мужчине быть не может (как и у мужчины к женщине). В самом чистом, светлом и искреннем понимании «любовь» — это дружба, дополненная интимной близостью, сексом и всем, что с этим может быть связано. Не говорим сейчас про страсть; в ней нет ничего близкого ни к дружбе, ни к любви, потому что страсть — это химический процесс, а «любовь» или дружба с сексом — это социальные процессы, не имеющие отношение к химии молекул.

— Ты его любишь?

— Я испытываю к нему то, что здесь бы назвали любовью. Он в моем разуме и сердце; это что-то другое...глубже, важнее и тише, чем просто любовь.

Джен – очень хорошая девочка. Социально очень хорошая. Близкие люди, конечно, знают её с другой стороны. «У тебя самый ужасный характер», «ты никогда не выйдешь замуж с таким характером», «у тебя никогда не будет мужа, потому что ты не заправляешь по утрам кровать», «с таким почерком в университет не возьмут», «умная она у тебя девочка, но вот язык бы ей урезать», «она постоянно доводит меня до слез», «поговори с ней ты, она меня ни во что не ставит», «вот отца-то на тебя нет, ты бы так не разговаривала», «отца на тебя нет, пороть тебя надо, как сидорову козу», «я ей – слово, она мне – три, вразуми свою дочь», «одумайся, не бери её в жены, её невозможно терпеть, ты не знаешь, что на себя берешь, ты её не знаешь», «я проклял тебя, сука; тебя и твоего ёб..ря», «ты же нашему сыну всю жизнь сломала, он после тебя начал курить»... Да потому что я хочу чувствовать себя с родными людьми безопасно и быть самой собой. Где ещё я смогу безопасно понять уровень допустимого, дозволенного, если не дома? А дома, как выяснилось когда-то давно в детстве, и подтвердилось во взрослом возрасте, и продолжает подтверждаться сейчас, нельзя проверять мир на прочность.

Джен – социально очень положительная девочка. Рано сделала первые шаги, не болела детскими хворями, была спокойным и послушным ребёнком; в 10 месяцев пошла в садик, первая в группе начала говорить, в 2,5 года четко и понятно выговоренным матом сообщила очень важный сек-

рет бабушке, забирающей её в тот вечер из сада домой, в 5 лет играла на новогоднем утреннике Снегурочку, потому что речь была поставлена превосходно для 5-летнего возраста (спасибо маме, которая занимала её по дороге из сада домой совместным говорением скороговорок – обожала эти походы домой), в саду начала изучать английский язык (чем очень гордилась), заниматься балльными танцами, сдала вступительные экзамены в школу, чтобы учиться в прогимназическом классе по экспериментальной программе; у неё много друзей, она всегда в любом возрасте – лидер в группе, коллективе; Джен училась на 4 и 5, сама делала уроки, не оставалась на второй год, не прогуливала (разве что немного и в старших классах для поддержания стереотипа о трудностях переходного возраста), помогала учиться приближенным друзьям (конечно, противоположного пола), выглядела всегда опрятно; учителя к ней за парту подсаживали мальчиков – хулиганов «на исправление», мамы подружки просили её подружиться с их непутёвыми детьми, чтобы те встали на путь истинный. Джен всегда знала, чем себя занять, самодостаточный ребёнок, всегда идеально играющая сама с собой, ну, а в случае, когда есть другие дети, с ними, закончила школу с единственной тройкой по алгебре, была капитаном команды КВН, Мисс КВН – 2001, работала вожатой в детском оздоровительном лагере и получила благодарность за хороший труд и приглашение дальнейшей работы, поступила в университет, получала повышенную стипен-

дию. Правда, бросила мамину мечту, музыкальную школу по классу фортепиано, за 4 месяца до окончания, но уж больно не её мечта это была. Хорошо без долгов и троек закончила университет, получила приглашение на работу, приняла его, усердно трудилась. Вышла замуж по любви и вот тут что-то сломалось. Социально продолжала быть очень положительной (хорошо работать, достигать результатов, путешествовать с мужем, общаться с друзьями, устраивать вечеринки, выбирать и покупать автомобили, заводить кошек, узнавать условия ипотечного кредитования, читать книжки про планирование беременности), но внутри начал назревать протест. Внутренне состояние почти всегда было протестным, злым, бросающим вызовы самой себе и близким. Любимые практики – это тренировки мастерства манипуляции близкими людьми и выворачивание реальности таким образом, чтобы плохим и крайним был кто-то другой без толики сомнения в истинности её слов.

Социально положительная девочка обладала и обладает полным набором гуманистических ценностей и правил поведения, жизнеустройства: ценность человеческой жизни, не убей, не укради, не навреди и все прочее. Алкоголь, табак, наркотики – зло; измены, сквернословие, оговаривание других, обсуждение за спиной, ложь, плохие мысли, нецензурная лексика – под запретом; поддержи и помоги тому, кому плохо, помни дни рождения и важные даты, будь гостеприимной, вежливой, учливой, обращайся к человеку по имени,

не беспокой, когда нет нужды или в неурочный час – правила – истины, в которых нет повода сомневаться. В результате – с ней приятно и тепло людям, к ней тянутся, доверяют свои сокровенные секреты, благодарят небеса за то, что жизнь их столкнула или случай познакомил.

Глава 2. Кафе

Я лежу на левом боку, у меня слегка согнуты в коленях ноги. Вокруг меня природная темнота, потому что солнце зашло за горизонт несколько часов назад, но все освещено достаточно тусклым, но сильным зеленым электрическим светом. Мне не холодно. Мне не жарко. Я открываю и закрываю глаза. Открыв, описав в своей голове место моего нахождения и состояние, я улыбаюсь и повторяю, закрывая и открывая глаза: «Остановись мгновение, ты прекрасно», отлично осознавая, что эта фраза имеет необыкновенно сильную энергетику; понимая, что герой, произнеся её, закончил свою жизнь, или даже свое существование, в сумасшедшем бреде. Но эта фраза для меня такая волшебная, что кажется, я все свои уже прожитые дни и ночи ждала момента, когда смогу её сказать, как будто после этого время пойдет по-другому, мир разделится на до и после.

Я лежу на левом боку, потому что моя голова сильно кружится. Так сильно, что, если я останусь сидеть, тошнота усилится и приведет к рвоте. А это неприлично, потому что я не дома и не с родными людьми. Мне кажется, что от головокружения мне не хватает воздуха, и самое лучше спасение от этого очень сильно неприятного состояния – провалиться в сон. В первые мгновения головокружения я почувствовала сильное счастье, но оно было настолько мимолетным, что я

не сразу его узнала.

Делая вращением головы перед собой полукруг, Джен почувствовала ту заветную степень алкогольного опьянения, к которой стремятся те, кто принимают решение сегодня выпить, чтобы стало весело. Это то желанное состояние лёгкости, приятной карусели, эйфории, в котором хочется зафиксироваться на вечер, чтобы откинуть груз проблем и ежедневных суетных дел, быть приятным, лёгким, позитивным собеседником или компаньоном. Это состояние ещё необычайно важно, как индикатор потребности дернуть стоп-кран, после него нужно прекратить вливать в себя алкоголь! Если куришь, не нужно идти курить. Оно уязвимо в первые минуты, как самые крошечные песчинки, которые поднимаются вверх даже без дуновений ветра, их носит как пудру; оно пугливо и юрко, как крошечная обезьянка мармозетка, любопытная, но убегающая даже от движения локонов на голове человека, который за ней наблюдает через многослойное стекло, от колыхания полы пальто недвижимого человека напротив; как самый сладкий пик сексуального наслаждения, граничащего с болью, который ты стараешься уловить своим сознанием. И вот Джен необыкновенно счастлива, ощутив это состояние эйфории, о котором сигнализировало головокружение, она начала улыбаться, поднимая голову вверх, как будто благодаря небеса за этот кайф, тем самым усугубила его так, будто влила в себя 0,5 пива или стопку виски-кола.

—Пойдем? — обращается к ней тот, с кем она здесь в

гостях

—Пойдем — отвечает она и тут же парирует. - Мне нужно полежать 5 минут. Потом пойдем

Я лежу на левом боку, открывая и закрывая глаза, но вижу не всё, потому что обзор мне закрывает мужская рука в длинных рукавах. Я знаю, что это темно-синяя легкая куртка – ветровка на молнии, с контуром небольшого желтого восклицательного знака на груди “Attention”. На мне плотные хэбэшные штаны – шаровары и белая тонкая свободная рубашка с капюшоном и карманом на груди (я купила ее недавно здесь, в Индии). Босая. Он обнимает меня правой рукой, закрывая часть странной картины, в которой я вижу себя и других присутствующих сверху, несколько выше потолка в сторону неба. Мы вроде бы на улице. Но вокруг нас - стены, есть пол (местами), навес, мебель. Между стенами и крышей – улица, между бетонных плит на полу (они как будто в шахматном порядке: есть плита – нет плиты – есть плита - нет) – песок и трава. Стены или то, что их заменяет, украшены длинными (до земли) полотнищами – простынями, украшенными традиционными для местных рынков рисунками: Шива, Будда, морда льва, витиеватые корни дерева, ладошка Фатимы, солнце, Боб Марли. Мы загорали на таких простынях, когда были «my best customer». Уже потом, спустя время я увидела, что представляло из себя это место за 2-3 недели до сегодняшнего вечера. Я видела фото. Это была примагазинная площадка, выходившая сразу на плот-

но укатанную песчаную оранжево-красную дорогу. На этой площадке раньше парковались байки, и будут парковаться потом, после сезона; росли какие-то травинки, спали коты и дрались собаки. Сейчас площадка – это пол сильно вытянутого в длину кафе, слегка похожего внутри на вагон – ресторан, только столики не по обе стороны, и нет локомотива. Но пассажиров также шатает и покачивает, достаточно громко разговаривают люди (когда была там Джен ни разу не было многолюдно, были только они), в конце направо – кухня, она напротив последнего «купейного отсека» (chill out или лаундж), еще чуть дальше – туалет. В «вагоне» 2 или 3 столика и 2 соединенных «купейных отсека». Столики стоят справа, они длиннее обычных привычных столов, по обеим длинным сторонам – деревянные лавки с широкими сидячими местами (можно вдвоем лечь и вряд ли будет тесно). На столах – рукописное ламинированное меню альбомного размера и пепельница. Зоны столов от лаунджа не специально отделены висящей с потолка звездой (самым длинным лучом – вниз) и сужением прохода (в котором висит зеркало). Встаньте напротив зеркала так, чтобы сзади головой быть в центре полотнища с Шивой. Вы видите себя в зеркале примерно до половины тела, сверху – до пояса, от вашей головы отходят лучи. Это ореол энергии, почувствуйте.

«Позаботься о себе там (в этом ореоле в отражении зеркала) так, как о маленькой девочке»

Сзади начинается лаундж: деревянный помост с 3 ступе-

нями, устланный матрацами, поверх накрытыми такими же простынями. Есть подушки. Это два отдельных лаунджа, не имеющих физического разделения; они образовали русскую букву «Г». В каждом – низкий удлиненный стол, чтобы удобно было кушать сидя на полу двум взрослым. Это не первая подобная зона chill out, которую видела Джен, но это были шедевральные столы, вернее столешни: синяя и разноцветная. Первый раз Джен с опаской издалека рассматривала их, изучала линии, нанесенные рукой эмоционального художника, задавалась вопросом: почему такие разные картины (назвать эту роспись рисунком язык не поворачивается), что думал художник, создавая узоры, что думал владелец кафе, вводя эти части в своё заведение. Если Вы не восхищаетесь художественным искусством, не отличите Моне от Брюллова, будете поблизости, зайдите в это кафе, чтобы посмотреть на них. Второй раз она оказалась ближе к одному из столов, смотрела на него сверху, изучала и думала, как это сногшибательно модерново: в такой дыре поставить такие столешни с мазней! В третий раз она ела и пила за вторым столом. Но он больше не привлёк её внимания дольше, чем на секунды, равные времени приветствия чего-то уже родного и приятного. На стыке буквы «Г» на потолке угрожающе машет лопастями огромный «фэн», темный вентилятор. Мужчина предупредил меня, когда я готова была идти: «Будь осторожна, смотри наверх, там горячая лампочка и вентилятор». Джен подняла голову и поняла, что самостоятельно не преодолет

это: нужно было встать с сильным головокружением, пройти два - три шага в направлении лестницы, пригнуться под вентилятором над пропастью ступеней деревянной лестницы и спуститься вниз. Еще очень хотелось в этот момент показаться всем присутствующим грациозной ланью.

— I need your help. I can't.

Он подал руку и помог спуститься, предостерегая от крутящихся лопастей

В кафе было трое и она. Трое малознакомых в разной степени знакомства мужчин, приехавших, как и она, из другой страны. Они были ближе этой стране, потому что знали язык и имели ощущение безопасности, которое состояло в интуитивном осознании того, что, если что-то пойдет не так, они могут вернуться домой (на Родину). Их Родина граничит с этой страной. Когда ты понимаешь, что твой дом близко (не в километрах измеряется это близко), ты чувствуешь себя более свободным и уверенным, зная, что есть пути отступления, есть тыл. Эти трое принадлежат совсем иной культуре, незнакомой, скорее всего чуждой Джен, возможно, даже в чем-то враждебной для неё. Может быть когда-то в будущем, она будет много читать про эту культуру, традиции страны, правила поведения, коммуникаций между людьми, корни мировосприятия и жизнеустройства... Внешне, при первом приближении, эти мужчины показались неугрожающими. Это было, пожалуй, самым важным, да, пожалуй, и единственным обстоятельством, объясняющим её нахож-

дение в этом месте. Кроме того, что это были инопланетяне с другой, не её, планеты, говорящие на неизвестном наречии, использующие интуитивно непонятную мимику и жесты, было и ещё одно важное отличие, разделяющее её и этих мужчин непреодолимой пропастью.

Конечно, их четверых что-то объединяло. Это нечто высокое, ценное, глубоко эмоциональное, какое-то метафизическое. Но, давай будем учиться быть честной с самой собой (в сети пишут, что это чуть ли самая главная ценность современного человека)! Объединяло их НИЧЕГО. Объединяли их только это место нахождения сегодняшним вечером. Построенные ею иллюзии, прочно укоренившие свои ошибочные умозаключения и жизненные истины в её сознании, сформировали ей образ такой дружной компании старых хороших друзей, близких и родных, с которыми их много лет связывают совместные дела, желания, события, пережитые истории, утраченные друзья. Джен очень хочется иметь тех близких, с которыми она не будет притворяться. И она с удовольствием наделяет разные компании людей такими полномочиями в своей голове. Этих четверых объединял её придуманный дружным мирок.

– is it your friends? – спросил он очень быстро, кивнув головой в сторону двух мужчин, стоящих с ней рядом

– NO!! I don't even know them

Джен была счастлива в жизни по-настоящему одни раз. Это ее описание, которое могут опровергнуть десятки лю-

дей, живущих и работающих с ней рядом. Да и она сама. Но Джен очень чётко для себя определяет, отфильтровывает события и эмоции, долго ищет слово, которым можно назвать важное для неё событие или чувство. Ищет подходящее именно ей, анализирует, взвешивает, сравнивает и в итоге находит слово, которое подходит максимально близко по сущности. Якорит его в своей голове. Но чаще всего оказывается, что в словарях других людей это слово имеет несколько иное содержание. Так и с этим счастьем, единственным пока за прожитые ею дни и ночи. Кто-то скажет (и она сама тоже), что счастлива она бывает каждый день и не по одному разу. Это абсолютная правда. Но это, как с любовью между мужчиной и женщиной и ощущением безопасности, нет того слова, которым можно назвать то счастье, о котором пойдет речь.

Запись из «дневника «Не могу молчать» от 01.12.2017
«India, Goa

Впервые я стала медленно кушать. Огромная порция овощей бириани (рис), 2 часа сжигающего солнца, неспешное созерцание океана. Тебя никто и ничто не ждет, кроме тебя самого.

Острая еда, специфичные ароматные угадываемые букеты индийских специй. Даже свой плейлист не хочется слушать, это все не то. Не та жизнь. India это wonder, wonderful, laughing. Я смеялась очень много, часто, долго, громко. Шутки. Легкость. В голове полный шавасана, ни дат, ни дней,

ни одежды, никаких мыслей, переживаний. Надо только 2-3 раза в день сделать усилие ума, чтобы получился некоторый набросок плана на ближайшие час, два, сколько-то минут. Нет никакой значимой разницы среда сегодня или пятница, в 8 утра или в 8:50. Сосредоточение дается трудно, не дается совсем. Как и память и возможность произносить слова, длинные предложения. Мышечный остов твоего тела в нирване. На поверхности воды ты просто лежишь, не удерживая свое тело ни в шее, ни в плечах и руках, ни в коленях или пояснице.

Насекомые. Сначала противные. Каждое новое противное, через дня 3 уже не противное, а безразличное, спокойное. Такое нейтральное безразличие, ни доброе, ни злое, оно просто тебя не касается, не задевает, не оседает в твоей голове и на доли минуты. Потом ты просто руками убираешь это насекомое с себя, своего тела.

Ты громко говоришь, шутишь, смеешься, легко и естественно разговариваешь с любым человеком, будто вы давно соседствуете. Для разговора даже не надо здороваться или обращаться, ты просто говоришь. Не ждешь диалога или ответа.

Здесь громко, потому что шумит океан и ветер. Но ты вскрикиваешь от резкого звука, появившегося внезапно, как будто ты был в пустой и тихой комнате достаточно часов, чтобы взвизгнуть от звонка телефона или боя часов. И нет никакой эмоциональной возможности слышать русскую му-

зыку или новости о политике, экономике, погоде.

Ты очень легко отказываешься от нервирующих факторов, деталей. Они не в твоей безгранично расширившейся зоне жизни (комфорта), они вне тебя, на другом континенте. Ты громко признаешься в любви этому месту, фруктам, воде, воздуху, жизни, магниту. И знаешь, что у всего есть душа. Твой лежак живой, пакет тоже. И они заботятся о тебе. Ты принимаешь заботу Вселенной о себе, потому что деньги и бизнес здесь нужны для удачи, это не мера, не цена. Ты желаешь удачи, взамен получая фрукты, вкусную еду, комфортное передвижение. Ты не платишь за товары и услуги, ты распространяешь удачу, делишься ею, потому что она безгранична и нескончаема у тебя. Здесь каждый день ты ощущаешь заботу Мира о тебе, много раз в день».

Индия начиналась в ее жизни несколько раз, но вошла и осталась навсегда в ноябре 2017-го. В Индию очень хотелось, потому что это круто, статусно. Сказать знакомым и чужим: «Я отдыхала на Гоа» все равно что приехать к сельскому магазину, где тебя все знают, на крутом мерсе. Потом в Индию захотелось, потому что о ней грезил важный в тот период ее жизни молодой человек. Грезил как о месте энергии, источнике вкусной еды и новых ощущений. Твердо решив посетить эту страну, в 2012 году Джен оформила свой первый загранпаспорт.

Посети

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.